

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРНОГО ПЕРЕХОДА ПРАВ НА СИСТЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. Е. Царёва

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва*

Статья посвящена исследованию договорных способов перехода прав на систему искусственного интеллекта, как поименованных, так и не предусмотренных гражданским законодательством.

Автор полагает, что правомерное использование современных информационных технологий, включая системы искусственного интеллекта, возможно только посредством участия таких систем в гражданском обороте; устанавливает взаимосвязь инноваций, объектов интеллектуальной собственности и систем искусственного интеллекта, в связи с чем договоры, опосредующие возникновение и переход прав на системы искусственного интеллекта, рассматривает через призму договоров, регулирующих переход прав на объекты интеллектуальной собственности; анализирует возникновение новых договорных моделей и формирует авторское понятие «электронная сделка».

Делается вывод о том, что разработка, успешная коммерциализация и эффективное практическое применение систем искусственного интеллекта невозможны без использования правовых моделей передачи объектов интеллектуальной собственности. В инновационном процессе механизм, стимулирующий создание и передачу новых технологий, служит ключевым фактором устойчивого развития в период современной технологической революции.

Ключевые слова: *переход прав, оборот гражданских прав, искусственный интеллект, лицензионный договор, смарт-контракт, блокчейн, технологии.*

Особенности и тенденции развития информационных технологий, в частности перспектива создания «умных роботов», «сильного» искусственного интеллекта (далее – ИИ), а также активное распространение цифровой формы участия современных объектов прав в гражданском обороте требуют особого внимания научного сообщества к решению вопросов правового регулирования и участия в обороте систем ИИ.

Существует достаточно много определений и трактовок понятия «искусственный интеллект» в интерпретации различных авторов в зависимости от того, что выступает основным предметом дискуссии или научного исследования.

Еврокомиссия в «Белой книге об искусственном интеллекте – европейский подход к совершенству и доверию» систематизирует европейский подход к определению понятия «искусственный интеллект»: «ИИ относится к системам, которые демонстрируют разумное поведение, анализируя их окружение и действия – с некоторой степенью автономии – для

достижения конкретных целей. Системы на основе ИИ могут быть чисто программными, действующими в виртуальном мире (например, голосовые помощники, программное обеспечение для анализа изображений, поисковые системы, системы распознавания речи и лиц), или ИИ могут быть встроены в аппаратные устройства (например, продвинутые роботы, автономные автомобили, дроны или приложения Интернета вещей)» [10].

В определении ИИ, предложенном Национальной стратегией развития искусственного интеллекта, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, речь идет об искусственном интеллекте как о технологии, производящей результат, отличный от заданного алгоритма.

Анализируя многообразие дефиниций понятия «ИИ», можно уверенно сделать вывод о необходимости разграничивать понятие «робот» и «ИИ», также представляется, что вопросы ответственности, безопасности, принадлежности прав на результаты, созданные ИИ, вопросы регулирования перехода прав на

ИИ можно решить через признание системы ИИ объектом права. Такой подход характерен для континентальной системы права.

На наш взгляд, безусловной является взаимосвязь объектов интеллектуальной деятельности, инноваций и систем ИИ (такой вывод следует в том числе из положений Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»), в связи с чем договоры, опосредующие возникновение и переход прав на системы ИИ, предлагается рассматривать через призму договоров, регулирующих переход прав на объекты интеллектуальной собственности.

Исключительное право может участвовать в экономическом обороте через товары (продукты), в которых применены объекты интеллектуальной собственности, обеспечивая дополнительную прибавочную стоимость продукту (товару), либо может непосредственно стать объектом оборота в случае заключения договоров, а также в иных случаях перехода прав.

Договорный способ перехода прав на объекты интеллектуальной собственности является одной из форм коммерциализации таких объектов. Условно можно выделить две большие группы: классические договорные модели, предусмотренные ГК РФ, и договорные модели, непоименованные ГК РФ, применяемые участниками гражданского оборота исключительных прав.

Первую группу договоров можно также разделить.

1. Договоры, направленные на отчуждение (переход) исключительных прав (ст. 1234 ГК РФ).

2. Договоры о предоставлении прав использования объектов интеллектуальной собственности: лицензионный договор (ст. 1235 ГК РФ), договор коммерческой концессии (ст. 1027 ГК РФ).

3. Договоры, направленные на создание объекта интеллектуальной собственности: договоры авторского заказа (ст. 1288 ГК РФ), договоры на НИОКР (гл. 38 ГК РФ). К особой категории договоров относятся договоры о венчурных инвестициях и договоры «start-up» при перспективных научно-технических разработках на различных стадиях НИОКР. Указанные договоры носят характер алеаторной сделки [1, с.72], поскольку ожидаемый ре-

зультат в виде охраноспособного объекта интеллектуальной собственности может и не получиться.

4. Иные договоры, предметом которых могут выступать любое имущество и имущественные права, включая исключительные права. Например, договор залога (ст. 334, 336 ГК РФ), договор доверительного управления (ст. 1012, 1013 ГК РФ), брачный договор (ст. 40, 42 СК РФ), в котором супруги вправе определить способы участия в доходах от использования исключительных прав, а также другие условия, договор купли-продажи (аренды) предприятия как имущественного комплекса (абз. 2 ст. 132, ст. 559, ст. 656 ГК РФ), договоры о коллективном управлении и о совместной деятельности (простого товарищества) (ст. 1042 ГК РФ), инвестиционные товарищества (партнерства) в инновационной сфере и др.

Рассмотренные договоры характеризуют собой классические договорные модели. Однако в процессе развития информационного общества сформировались и стали активно использоваться так называемые электронные сделки, которые, по мнению О. В. Сушковой, можно классифицировать как специфические договорные модели, опосредующие инновационную деятельность [8, с. 34]. Можно отметить формирование правовой базы для электронного гражданского оборота и электронного документооборота с использованием цифровых технологий.

Новая редакция п. 1 ст. 160 ГК РФ, введенная Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ», предусматривает способы соблюдения письменной формы сделки, совершенной в электронном виде, а также способ достоверного определения лица, выразившего волю.

Пункт 2 ст. 432 ГК РФ в новой редакции не содержит определение понятия электронного документа в целях исключения его различных толкований в гражданском и информационном законодательстве. Теперь необходимо руководствоваться определением, установленным Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

По мнению Х. В. Идрисова, в настоящее время в доктрине гражданского права и гражд-

данском законодательстве отсутствует единое понимание природы электронного договора. Соответственно недостаточно разработано правовое регулирование сделок, заключаемых в сети Интернет: в законодательстве электронные договоры не отграничиваются от традиционных, не закреплена четкая процедура заключения договоров с использованием сети Интернет [3, с. 108].

В доктрине высказывались различные мнения об определении электронного договора. Т. Ю. Кулик под электронным договором понимает договор, заключенный в электронной форме [4, с. 14]. Н. А. Дмитрик считает, что обмен волеизъявлениями между сторонами происходит при помощи соответствующего технического и программного обеспечения, причем содержание волеизъявления передается не напрямую, а через посредников (информационных провайдеров) [2, с. 83]. А. Ю. Рыков определяет электронные договоры как совершаемые во всемирной компьютерной сети Интернет правосубъектными лицами правомерные действия, направленные на достижение правовой цели – возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей [6, с. 78]. Из анализа приведенных подходов представляется, что в первую очередь речь идет все-таки об электронной форме сделок, а не о специфической договорной конструкции.

Согласно ст. 8, 9 Конвенции Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23 ноября 2005 г. (далее – Конвенция ООН) форма электронной сделки может быть квалифицирована с точки зрения гражданско-правового регулирования как аналог устной формы сделки; как письменная форма в терминах Конвенции ООН либо как аналог письменной формы в российском законодательстве. В международном аспекте базовые правила электронной торговли также предусмотрены в типовых документах ЮНСИТРАЛ, например, в Типовом законе ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях, Нью-Йорк, 2017.

Возможность применения электронных документов в гражданском обороте неоднократно признавалась в правовых позициях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, исходя из п. 2 ст. 160 ГК РФ, согласно которому договором может быть предусмотрено удостоверение прав распоряже-

ния денежными суммами, находящимися на счете, электронными средствами платежа и другими документами с использованием в них аналогов собственноручной подписи, кодов, паролей и иных средств, подтверждающих, что распоряжение дано уполномоченным на это лицом.

Проблема осуществления гражданского оборота посредством электронных сделок также связана с вопросами идентификации участников сделки и подписания договора.

Новеллы информационного законодательства, внесенные Федеральным законом от 29 декабря 2020 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вводят понятия «идентификация» и «аутентификация». Представляется, что указанные нововведения, наряду с типизацией договорных конструкций, будут способствовать упрощению договорной процедуры перехода прав на объекты интеллектуальной собственности, включая системы искусственного интеллекта. Развитие института электронной верификации и идентификации личности или иного лица, участвующего в электронном гражданском обороте, в перспективе способно заменить электронную подпись.

В контексте настоящего исследования невозможно оставить без правового анализа использование технологий блокчейн и смарт-контрактов в сфере интеллектуальных прав.

Как обобщил Riccardo de Caria [9, с. 735], в правовой литературе можно встретить следующие подходы к определению смарт-контрактов: «самоисполняющиеся электронные инструкции, составленные в компьютерном коде»; «кусочек компьютерного кода, который способен контролировать, выполнять и «исполнять соглашения»; «программное обеспечение, с которым компьютерный код связывает две или множество сторон в связи с исполнением predetermined эффектов и которое хранится в распределенном реестре»; «цифровые контракты, содержащие условия в зависимости от децентрализованного консенсуса, которые усилены и защищены от взлома благодаря автоматическому исполнению»; «программа, управляемая событиями, которая работает на распределенной, децентрализованной, совместно используемой и реплицируемой распределенной системе (блок-схеме) и которая может осуществлять хранение и передачу активов в систему распределенного

реестра»; «контракты, которые представлены в коде и выполняются компьютерами» [7, с. 251].

Таким образом, существует два основных подхода к определению правовой природы «смарт-контракта»: юридический, признающий смарт-контракт договором, и технологический, определяющий смарт-контракт как компьютерную программу.

В юридическом смысле смарт-контракт может рассматриваться как правовой договор, где термин «смарт-контракт» используется для обозначения правовых договоров или элементов правовых договоров, заключенных в электронной форме, где исполнение обязательства автоматизировано и обеспечивается компьютерной программой [5, с. 24].

Однако в зарубежном законодательстве есть опыт закрепления понятия «смарт-контракт» в технологическом смысле. Например, в Декрете № 8 «О развитии цифровой экономики» Республики Беларусь под смарт-контрактом понимается программный код. В технологическом смысле смарт-контракт не является сделкой или ее формой, а выполняет функции технического средства, где параметры кода (смарт-контракта) определяются условиями самой сделки.

С помощью реестров на платформе блокчейн можно обобщить информацию об основных характеристиках объекта интеллектуальных прав, данных об авторе (правообладателе), условиях использования такого объекта. Тем не менее отметим, что технология не защищает от пиратства, а лишь удостоверяет факт предоставления права использования, передачи права или иной формы распоряжения [5, с. 24].

Таким образом, в научном сообществе не выработано единой позиции к определению правовой природы смарт-контрактов и их соотношения понятием «технологий блокчейн». Использование указанных инструментов начиналось с регулирования оборота цифровых активов, однако бесспорной представляется возможность использования технологий блокчейн в сфере интеллектуальной собственности, например, для введения реестра систем ИИ, в котором можно отражать информацию о разработчике и правообладателе системы ИИ и сведения о распределении и переходе прав на системы ИИ.

В. Б. Нагродская выделяет актуальные проблемы, которые могут быть решены при

использовании смарт-контрактов в сфере интеллектуальных прав. Представляется возможным применить эти выводы к системам искусственного интеллекта.

«1. Данные становятся технически обличенными в код, и они будут публично доступны и открыты. Соответственно возможно подтверждение авторства с высокой степенью вероятности. Помимо этого, с помощью технологии можно отследить потоки доходов.

2. Проблема определения момента перехода произведения (входящего в состав системы ИИ) в общественное достояние также может быть решена, поскольку информацию о сроках действия исключительного права можно будет указать в системе.

3. Технология блокчейн решает вопрос выставления автоматической метки времени, при этом само хеширование может технически происходить по отношению к абсолютно любому виду файла» [5, с. 25].

Предлагается определять электронную сделку как соглашение, совершенное посредством компьютерной программы или иной информационной технологии, а также с использованием системы ИИ, направленное на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, в том числе в отношении объектов оборота, существующих исключительно в цифровой среде.

Разработка, успешная коммерциализация и эффективное практическое применение систем ИИ невозможны без использования правовых моделей передачи объектов интеллектуальной собственности. В инновационном процессе механизм, стимулирующий создание и передачу новых технологий, служит ключевым фактором устойчивого развития в период современной технологической революции. При этом переход прав на систему ИИ должен осуществляться одновременно в отношении всех элементов такой системы, включая охраняемые и неохраняемые результаты интеллектуальной деятельности, иные технические процессы и информацию, входящие в состав системы ИИ, как на единое целое.

Литература

1. Гражданское право: в 2 т.: учебник / под ред. Б. М. Гонгало. – М.: Статут, 2018. – Т. 1. – 528 с.

2. Дмитрик, Н. А. Осуществление субъективных гражданских прав с использованием сети Интернет / Н. А. Дмитрик. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 186 с.

3. Идрисов, Х. В. Электронная форма договора: доктрина и правовое регулирование / Х. В. Идрисов // Российский юридический журнал. – 2020. – № 3. – С. 107–113.

4. Кулик, Т. Ю. Правовое регулирование договоров, заключаемых в электронной форме / Т. Ю. Кулик. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 160 с.

5. Наградская, В. Б. Новые технологии (блокчейн / ИИ) на службе права: научно-методическое пособие / В. Б. Наградская. – М.: Проспект, 2019. – 128 с.

6. Рыков, А. Ю. Гражданско-правовое регулирование сделок в глобальной компьютерной сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Рыков. – М., 2009. – 208 с.

7. Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ: монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитоновна. – М.: Издательство «4 Принт», 2020. – 304 с.

8. Сушкова, О. В. Право интеллектуальной собственности в зарубежных странах: учеб. пособие / О. В. Сушкова. – М.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. – 122 с.

9. De Caria R. The Legal Meaning of Smart Contracts // *European Review of Private Law*, 2019, No. 6, P. 731–752.

10. White paper on Artificial Intelligence – A European approach to excellence and trust. Brussels, 19.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf.

Царёва Анна Евгеньевна – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА МЮ РФ). E-mail: anuyutatsareva@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 6 июля 2021 г.

DOI: 10.14529/law210412

SOME ASPECTS OF CONTRACTUAL TRANSFER OF RIGHTS TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

A. E. Tsareva

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation

The article is devoted to the study of contractual ways of transferring rights to an artificial intelligence system, both named and not provided for by civil legislation.

The author believes that the legitimate use of modern information technologies, including artificial intelligence systems, is possible only through the participation of such systems in civil turnover; establishes the relationship of innovations, intellectual property objects and artificial intelligence systems, and therefore considers contracts mediating the emergence and transfer of rights to artificial intelligence systems through the prism of contracts regulating the transfer of rights to intellectual property objects; analyzes the emergence of new contractual models and forms the author's concept of "electronic transaction".

It is concluded that the development, successful commercialization and effective practical application of artificial intelligence systems are impossible without the use of legal models for the transfer of intellectual property objects. In the innovation process, the mechanism that stimulates the creation and transfer of new technologies serves as a key factor for sustainable development during the modern technological revolution.

Keywords: *transfer of rights, civil rights turnover, artificial intelligence, license agreement, smart contract, blockchain, technologies.*

References

1. Gongalo B. M. *Graždanskoe pravo*. V 2 t. [Civil law]. Moscow, 2018, Vol. 1, 528 p.
2. Dmitrik N. A. *Osušestvlenie sub"ektivnyh graždanskih prav s is-pol'zovaniem seti Internet* [Exercise of subjective civil rights using the Internet]. Moscow, 2006, 186 p.
3. Idrisov H. V. [Electronic form of the contract: doctrine and legal regulation]. *Rossijskij ūridičeskij žurnal [Russian Legal Journal]*, 2020, no. 3, pp. 107–113. (in Russ.)
4. Kulik T. Ū. *Pravovoe regulirovanie dogovorov, zaključaemyh v èlektronnoj forme* [Legal regulation of contracts concluded in electronic form]. Moscow, 2008, 160 p.
5. Nagrodskaja V. B. *Novye tehnologii (blokčejn / II) na službe prava* [New technologies (blockchain / AI) in the service of law]. Moscow, 2019, 128 p.
6. Rykov A. Ū. *Graždansko-pravovoe regulirovanie sdelok v global'noj komp'ŭternoj seti Internet: dis. ... kand. ūrid. nauk* [Civil law regulation of transactions in the global computer network Internet. Diss. Kand. (Law)]. Moscow, 2009, 208 p.
7. Sannikova L. V., Haritonova Ū. S. *Cifrovye aktivy: pravovoj analiz* [Digital assets: legal analysis]. Moscow, 2020, 304 p.
8. Suškova O. V. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti v zarubežnyh stranah* [Intellectual property law in foreign countries]. Moscow, 2015, 122 p.
9. De Caria R. The Legal Meaning of Smart Contracts. *European Review of Private Law*, 2019, no. 6, pp. 731–752.
10. *White paper on Artificial Intelligence – A European approach to excellence and trust*. Brussels, 19.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf

Anna Evgenyevna Tsareva – Postgraduate student of the Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation. Email: anyutatsareva@yandex.ru.

Received 6 July 2021.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Царёва А. Е. Некоторые аспекты договорного перехода прав на системы искусственного интеллекта / А. Е. Царёва // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 79–84. DOI: 10.14529/law210412.

FOR CITATION

Tsareva A. E. Some aspects of contractual transfer of rights to artificial intelligence systems. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 79–84. (in Russ.) DOI: 10.14529/law210412.
